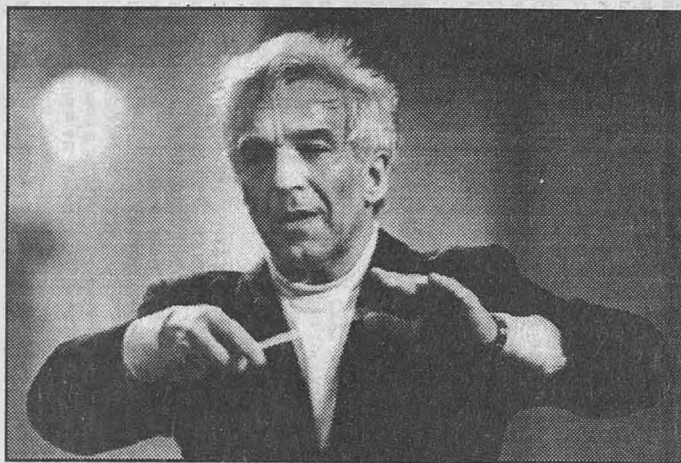

КЛАССИКИ БЕЗ СЛЕЗ

Немецкий симфонический оркестр под управлением Владимира Ашкенази выступает в Москве

Владимир Ашкенази и его оркестр.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

пач Кристиан Тетцлафф. В своей виртуозной партии он, на мой слух, не взял ни единой фальшивой ноты — хотя сидевший поблизости профессионал-виолончелист насчитал их целых четыре штуки. Удивительная техника соседствовала с некоторой скованностью дыхания и механистичностью. Оркестр же был образцом вкуса.

Выбор еще одного прозвучавшего сочинения — «Фуриозо» (1947) композитора швейцарского происхождения Рольфа Либермана — произошел, скорее всего, не из соображений вкуса, а по символическим причинам: оркестр был когда-то первым исполнителем этого сочинения и с тех пор уделяет много внимания современной музыке. «Фуриозо» оказалось неким немецким эквивалентом свирдовского «Время, вперед!», причем сравнение было не в пользу первого. Бетховен — один из кумиров Ашкенази, которого он любит «за характер, за то, что всегда хотел преодолеть судьбу». Третью, «Героическую» симфонию Бетховена, вошедшую в программу московских концертов, маэстро понимает как сочинение «молодого человека с колоссальной энергией, которую нужно играть с большим напором». Радостная возбужденность первой части заставляет вспомнить веселые россиниевские *crescendo*-нарастания. Вторая же часть — знаменитый Траурный марш — не трактуется как траги-

ческий перелом и кульминация симфонии. Хотя, с другой стороны, она слишком значительна, чтобы можно было без проблем миновать ее невеселое настроение — непозволительная легкомысленность первой части сменяется в финале симфонии героическим пафосом.

Традиционно мажорная элегичность среднего раздела Траурного марша — что-то вроде последних слов об ушедшем герое — лишена у Ашкенази всякого надрыва и вообще всей этой сюжетной канвы. Говорить о каких бы то ни было словах, литературных образах или театральности в случае с Ашкенази не приходится. И этим он мало напоминает продолжателя русской дирижерской школы. Он имеет дело только с музыкой, не переводимой ни на какие другие языки. Жанровой конкретности нет даже в Скерцо, где грубовато-фольклорные вальсы (так уж их написал Бетховен) вступают в странный союз с уравновешенной, классицистской жизнерадостностью остального материала. А итог всего, самое важное с точки зрения чисто музыкальной архитектуры (а отнюдь не литературной концепции), — гармоничная закругленность финала.

Маэстро избегает любой гипертрофированности — у него в руках великолепный оркестр, но он не смакует его краски, он эмоционален, но не эксплуатирует свои артистические возможности. Не вызывая сомнений в своей серьезности, его исполнения напо-

минают некую игру, абсолютно самодостаточную. Диалог с Малером, с его Девятой симфонией — занявшей весь первый концерт — был наиболее увлекателен именно по причине несоответствия композитора выдвигаемым дирижером требованиям. Сам маэстро, похоже, не может до конца определиться в своем отношении к Малеру, которого не принимает по-человечески, но не может пройти мимо него как музыкант.

В своем интервью для «НГ» он не скрывал этого: «Малер очень сложный и несчастный человек, к тому же гений. Я хочу довести до слушателя его огромное чувство жалости к самому, к своей судьбе. Хотя эта черта мне в нем не особенно нравится. Кроме того, у него есть гротеск и ирония над мещанами, которые танцуют свои лендлеры, а на самом деле ему саблю в спину всаживают. Девятую симфонию он написал за год до смерти, знал, что умирает, поэтому смотрел на свою жизнь с дистанции. Финал — там все последние атомы растворяются в космосе, нет материи, остается один дух».

Маэстро действительно удается передать эту бесплотность, отсутствие связи с живой материей. Финал выводит в какое-то новое состояние, где, похоже, времени не существует. Состояние катарсиса, столь важное для симфонии, безусловно, достигнуто — слезами и экзальтированностью музыки или дирижером, пытающимся эти слезы и экзальтированность скрыть? Малер звучит странно, вне своей обычной фабульности, как какой-нибудь Антон Веберн. Не случайно Ашкенази так любит его Десятую, незаконченную симфонию, связи которой с новоявленной школой наиболее очевидны: «Там, в Десятой симфонии, он уже в том мире. Он избыл страдания и очень доволен тем миром».

Грядущее 50-летие оркестра маэстро собирается отметить Восьмой симфонией Малера — «Симфонией 1000 участников». «Восьмая — совсем другое дело. У Малера была трагедия с женой, которая оказалась ему неверна. Но он ее простил и написал симфонию о любви. Хотел, чтобы эта любовь разрешила все проблемы между ними. Но она не очень удачная. Наверное, о любви целый час с четвертью трудно говорить».

Екатерина Бирюкова

После бала

ОТЫГРАВ в Петербурге, в Москву приехал Немецкий симфонический оркестр Берлина под управлением Владимира Ашкенази. Счастливые жители северной столицы имеют возможность сравнить — месяц назад они слушали Берлинский филармонический оркестр под управлением Клаудио Аббадо. Для москвичей же дирижерская палочка Ашкенази и профессионализм его подопечных останутся в этом сезоне, вероятно, чем-то абсолютным и недосягаемым, не предполагающим каких-либо сопоставлений и сомнений. Два концерта в Большом зале консерватории прошли в рамках фестиваля «Берлин в Москве — мир без границ», организованного Гете-институтом. Залы были полны, а пустовавшие места в партере говорили лишь о степени важности приглашенных, но не пришедших.

Оркестр, действительно, хорош, редкие «киксы» вальторн и тому подобные неприятности несколько не снижают впечатления, а только говорят о том, что ничто человеческое немецким музыкантам не чуждо. Сам маэстро продемонстрировал блестящее овладение своей второй специальностью — дирижированием. Отечественные меломаны помнят его прежде всего как пианиста, победителя Второго конкурса имени Чайковского (вскоре после которого он покинул СССР) — хотя в качестве дирижера Ашкенази выступает давно и уже приезжал несколько лет назад с Лондонским королевским филармоническим оркестром, которым тогда руководил. Последние годы он работает в Берлине и больше времени тратит именно на дирижерскую деятельность. По его словам, на подготовку одной оркестровой программы уходит неделя, за которую в качестве пианиста Ашкенази мог бы сыграть 5 — 7 сольных концертов.

Необычайная энергия, здоровый дух и позитивное мироощущение присущи ему самому — те же качества он ценит в исполняемой музыке. По убеждению компетентных музыкантов, хорошо дается дирижеру Мендельсон, который выходит из-под его рук ажурным, доступным и беспроблемным, не подозревающим о романтических трагедиях одиночества и непонятости (что, в целом, не противоречит истине). В исполнении хита композитора — Скрипичного концерта — принял участие молодой немецкий скри-